

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НОВЫХ ГОРОДСКИХ ПЛЕМЁН

«Большая книга» прислала на Камчатку Алексея Сальникова, Романа Сенчина и Анну Баснер.

За основу возьмём «Дождь в Париже» Романа Сенчина, который мы обсуждали в клубе на Набережной, добавим «Оккультрегера» и «Опосредованно» Сальникова. Заполируем «Парадоксом Тесея» Анны Баснер. Смешать, но не взбалтывать.

А не спеши ты закрыть нам глаза
А мы и так любим все темноту

«Оккультрегер» — магическое краеведение с элементами боевика.

Книги Сальникова, полного понимания для, необходимо читать с тагильским акцентом: небольшое оканье и уральский зажим: произносить слова, придерживая челюсть. У нас на Камчатке самый чистый русский язык, потому что блокадники преподавали. Могут судить.

Интонация Сальникова — уверенная недоговорённость. Гопник-резонёр. Диалект сдвигает интонирование, интонирование сдвигает эмоции. В пределе о трогательном говорится с гадливостью, о трагическом — равнодушно, о повседневном — с истерикой.

«Оккультрегер» и «Опосредованно» описывают отчуждение интеллигенции от пролетариата, превращение творческой интеллигенции в касту, касты — возможно — в народ. Пока интеллигенция превратилась в субкультуру. «Оккультрегеры» — это, понятно, культуртрегеры. Как шутил Алексей Алёхин, «похоже на штурмбанфюрер». «Опосредованно» описывает УПШ, уральскую поэтическую школу. Прочитую легендарного Игоря Манцова:

«Сальникову-поэту, видимо, очень хотелось сделать художественную, а не научно-популярную вещь о том, как его самого, что называется, штыривает в процессе сочинения стихов и в процессе их любовного потребления, вот и приравнял поэзию к наркомании на уровне не только фабулы, но и картины мира. Различно здесь чрезмерное самолюбование утончённого человека из богемы, дескать, у нас-то особое психическое устройство. В качестве противовеса вспомнаешь принципиально иную поэтику: «Стих встаёт, как солдат. / Нет, он как политрук, / что обязан возглавить бросок, / отрывая от двух обмороженных рук / землю (всю), / глину (всю), / весь песок» (Б. Слуцкий). Какой уж тут расслабляющий «приход», здесь героическое усилие.

Впрочем, мотив поэтической наркомании запрятан Сальниковым глубоко: на девять десятых «Опосредованно» представляет собой едва ли не «женский роман». Мелодраматические, сентиментальные, да попросту бытостроительные элементы доминируют. Умирают одни близкие, рождаются новые и новые; муж Володя ушёл, муж Володя вернулся, приведя в дом, где уже есть рождённые от него Леной близняшки Вера с Аней, ещё и маленького сына от промежуточной супруги; а Лена, давно превратившаяся в авторитетную училку математики, продолжает держать в тайне ото всех своё порочное пристрастие к «стишкам».

Я бы выделил другой момент. Не магическое сосуществование стихков с повседневностью, а переход, вовлечение.

У Сальникова — взгляд изнутри, Сенчин «В норе» показывает взгляд снаружи, вечную тягу органической интеллигенции к выходу из народа:

«Знаешь ведь, что такое Академгородок. Раньше столько раз там бывал — как будто в рай попадал. Сосны эти, покой, тишина какая-то мудрая, белки ручные. И люди другие совсем... На остановках очередь в автобус, без толкотни заходят, интеллигентно... Перед армией я там неделю прожил, комнату снял в общежитии геологов, и действительно — как в

раю. И вот повторить захотелось...»

Со стихами сложнее, чем с наркотиками, но и интересней. Всё-таки стиховой эндорфин-дофамин не так силён (слава богу!), как опиаты. Чтение — вообще-то труд. Но «мы это не продадим». Нужно подать чтение как удовольствие. Необходима свита, которая б играла новое платье короля, самосбывающееся пророчество, клака. Купить социологов, как это сделал «Старбак» для индекса латте. Сконструировать индекс «теплоты», по Сальникову. Чтобы втянуть массы в «непрерывное жертвоприношение». Недаром исходное значение слова *consumption* — «изнурительная болезнь», «чахотка». Хипстота, которая «производит, потребляет», приносит самое себя в жертву медиа.

Кстати, встречи с читателями — тоже части культуриндустрии наряду с культуртрегерами и стихами. Логично будет, если Алексей Сальников в таком же магическом ключе опишет премию «Большую книгу», «РЕШ», школы CWS, книжный блоггинг, книжные клубы и прочие институции.

Долгая память хуже чем сифилис
Особенно в узком кругу

Кто старое помянет, тому глаз вон,
а кто забудет, тому два.

«Дождь в Париже» — анекдот о туристе из Кызыла, приехавшем в Париж, который провёл турпоездку, не выходя из номера. Скверный анекдот обрамляет воспоминания о советском детстве, взрослении, трёх жёнах и т.д.

Сенчин неплохо описал, как медленно и неотвратно визуальная культура при поддержке рок-н-ролла подминала под себя культуру устную. Герой сперва собирает под кроватью пластилиновое войско, потом слушает «Депеш Мод», втыкает сперва в импрессионистов, потом в телевизор и наконец залипает в интернет, а общаться и вообще «шевелить языком» отвыкает, не любит.

Что легло в основу отчуждения? Советский средний класс стал хорошо жить. А когда всё хорошо, это уже немножко плохо. У ребёнка советского среднего класса в 80-е гг. была

отдельная комната, куда он проецировал своё либидо. «Дети в 80-е гг. стоили дороже», — пишет Сенчин: марки, одежда, солдатика, велосипед итд. Отдельная комната — первый шаг к сепаратизму!

Алексей Колобородов счёл «Дождь в Париже» римейком «Обломова». Штольц — ненадёжный рассказчик, я писал об этом в ноябрьском номере «Урала» за 2021 г. Почему Андрей Топкин также кажется мне ненадёжным рассказчиком?

При чтении «Дождя в Париже» парадоксально вспоминается Борхес, «Фунес, помнящий». Герой Борхеса помнил всё, от чего и умер: то ли память переполнилась, то ли жить стало скучно. Герой Сенчина много помнит, потому что 3 года отучился на истфиле и овладел навыками систематизации исторического материала. А многие ли из вас, друзья, с ходу вспомнят историю вчерашнего дня?!

Сказано мудрыми: чтоб жить и мыслить, надо уметь забывать, но — уметь забывать то, что ты хочешь забыть, чтобы помнить то, что хочешь помнить ты. (А не кто-то другой.)

Воспоминания Андрея Топкина приготовлены как чак-чак. Есть пять миров опыта: повседневность, сон, наука, игра и миф. Андрей Топкин стал «монстром памяти», потому что его миры опыта синкретично слиплись в ходе информационного взрыва.

Разговоры (болтовня, дискурс, нарративы) — мир опыта мифа. То, что дети слышали до 6 лет, — автоматически превращается в «видел своими глазами», потому что нейроны быстро растут и воображение богатое. Как шутят философы, врождённые идеи — это всё, что человек узнал до 6 лет. Отличие мифа от опыта повседневности мастерски показала Баснер: Лиля рассказывает Нельсону случаи из детства, которые, будучи многожды перевспомнены, мифно загустели. При этом она держит его в абсолютном неведении относительно своей повседневности.

На заре перестройки в одном из «толстяков» печатались дневники женщины: она записывала всё, что слышала по радио. Похоже на сбор грибов. Момент освоения Топкиным

науки «тихой охоты» именуется «прозрением». Третья жена наставляет: «старайся его представить». От «грибов в глазах» до «грибов с глазами» один шаг, но Сенчин его не делает. Как факты всплывают в специально подготовленном для этого сознании, так и грибы видны настроенному на них глазу.

От жадности Топкин набивает маслятами ветровку.

Повседневность слипается со сном, когда Топкин весь день собирает ягоду, а потом всю ночь спит и собирает ягоду во сне.

Подобно многим мужчинам, он полагает чтение Википедии занятием наукой и с тех пор, как появился интернет, залипает в сети. Но так ли хорош Андрей Топкин как историк?

Его отец, бывший офицер (из старообрядцев), вступает в союз обороны Эстонии «Кайтселийт», созданный в 1918 г. на основе сил самообороны «Омакайтсе». История «Кайтселийта» с 1940 г. по 1991 г. аккуратно вырезана. Зато в 1941 г. вновь возникает «Омакайтсе». 50 000 вооружённых мужчин перерегистрировались под новым старым названием. Благодаря этим трудолюбивым людям Эстония стала первой *judenfrei* страной в Европе. «Зато мы не издевались над ними, как литовцы. Просто убили, *nothing personal*».

Вот в такую организацию вступает бывший советский офицер.

Учение Жака Деррида всесильно, потому что оно всесильно!

«Парадокс Тесея» Баснер — лихо закрученный искусствоведческий детектив с анархо-реставраторами в виде повестки-фона.

Позволю себе автоцитату.

«Реванш природных сил на фоне архитектуры — старая питерская тема. Сперва хаос проникал в Петра творенье в виде наводнения. «Ужо тебе, правитель чудный!» — натравливает на Медного Всадника Мирового Ужа Евгений. Потом — нашествие пролетариата у Зоценко. Потом блокада.

Наш ирландский товарищ Терри Иглтон пишет по данному вопросу следующее:

«Для Маркса отношения между природой и человечеством не являются симметричными. В конечном счете, как указывает он в «Немецкой идеологии», природа берет верх. Для индивида это выглядит как смерть».

Природа остановила беспредельщиков, и теперь уже не получится выдавать сырое за варёное».

У книги Баснер есть существенное сходство с книгами Сальникова — это производственный роман о новых городских племенах. Одни реставрируют здания. Другие практикуют каннибализм. Третьи совмещают приятное с очень приятным. Так они производят самих себя.

Анна Баснер выстроила сложную метафору с взаимными отсылками.

Дедушка Ленин разложился на плесень и на липовый мёд. Ленинград разлагается на плесень и на липовый мёд, потому что Ленинград — тело Ленина. Возвращение городу прежнего имени Петербург должно подкрепляться тяжело-звонким скаканьем, но двойники «медного всадника» выглядят неубедительно.

Чтоб подсветить эту идею, героини обсуждают «Ритм-ноль». В этом перформансе Марина Абрамович позволяет посетителям делать с собой что угодно. Тело Марины Абрамович — Югославия. Через 15 лет она распадётся, и на Сербию начнут падать гуманитарные ракеты.

Персонажи Баснер остроумно намекают, что перформанс Абрамович — провокация, «фейк». Люди, которые втыкали в неё шипы и направляли револьвер, были в доле.

Но это ничего не меняет.

Перформанс Абрамович имеет три слоя понимания.

1. С точки зрения опыта — это фейк, постановка. Но собственно социология на 70% состоит из пропаганды «нового платья короля».

2. С т.з. совриска, как учил нас Андрей Вархола, «искусство — это всё, что может сойти вам с рук». Раз мы сейчас обсуждаем «Ритм-Ноль», значит — это искусство.

3. С точки зрения ритуала действует принцип магического прагматизма. *Anything goes*. Если ритуал работает — это правильный ритуал. Если на Югославию падает обеднённый

уран, значит, магия Абрамович — сильное колдунство.

Столь же многослоен парадокс Тесея. Является ли тем же самым корабль, в котором не осталось ни одной исходной доски?

Ремесленники, строящие корабль, действуют в сфере логоса. В этой сфере парадокс неразрешим, как и все остальные парадоксы.

Сын богов Тесей действует в пространстве мифа и обращается с парадоксами как с гордиевыми узлами. Он ничтоже сумняшеся отправил бы корабль вместе с мастерами в Могилевскую губернию.

Тесей соответствует Ленину.

Тесей — основатель афинского, Ленин — советского государства. У Тесея был в Афинах храм с мощами, у Ленина есть мавзолей, похожий на гробницу Кира Великого.

Но не только Ленин и Ленинград разложились на плесень и на липовый мёд. То же происходит с петербуржцами, героями романа. Климат плохой: главный герой пьёт, курит и разгильдяйствует, у его девушки псориаз.

Конфликт между анархо-реставраторами и рыцарями совриска, который тонко обозначает Баснер, также являет логический парадокс.

Совриск мгновенен. Но и работа реставраторов не навсегда, «врата ада» одолеют и её. *Sub specie aeternitatis* корабль Тесея, дворец Нельсона и акция «Ленин» ничем не отличаются. С точки зрения вечности — мгновенно и то и другое.

Анна Баснер три года училась в Дублине, главный герой укорачивает свою эстонскую фамилию Танельсон до «Нельсон», то есть, по-кельтски, МакНил. Тут хороший филолог сразу вспомнит главную исландскую

сагу «О сгоревшем Ньяле». Жаль, что Анна Баснер не могла посетить Эмайн Маха, потому что тот находится в Ольстере. (Кстати, а Ольстер чей?) Эмайн Маха был построен специально для жертвоприношения. В 95 г. до н. э. сразу по завершении дворец был сожжён. Чтобы освятить место. Это было одновременно и акция, и архитектура.

Римляне звали кельтов «пикты», «расписные». Те покрывали тело наколками. Если тело Ленина — Ленинград, то тела граждан тоже могут стать искусством в духе песни «Кольщик, накопи мне купола» (*Master, raise a temple on my skin!*).

Хипстеры-реставраторы сперва обрастают имиджем, как наколками, а потом в имидж оказывается вчитана повестка. Земля — это кожа. Кожа — это книга. Тату-мастера продвигают лозунг: «Ты можешь распоряжаться своим телом как захочешь!» Глупость или подлость? 96% из них будут вынуждены продавать своё тело, некоторые даже частями, ведь «в общем труд товар, и человек товар».

Основной вопрос Баснер максимально маскирует. Реставраторы реставрируют «чтобы что?». Реставраторы ждут «ангела»-инвестора, «хорошего олигарха», чтоб продаться ему целиком. Вместе с землёй и постройками, на правах крепостных.

Но это будет потом, в хэппи энде. А пока книга Баснер — один из мифов новых городских племён, героическая история об истоках одного из них, племени вольных реставраторов.

**Василий ШИРЯЕВ,
Камчатка,
Посёлок Вулканный**